

ПЕРЕПИСКА ВЯЧ. ИВАНОВА И
ОЛЬГИ РЕСНЕВИЧ-СИНЬОРЕЛЛИ

Эльда Гаретто

Переписка Вячеслава Иванова и Ольги Ресневич-Синьорелли (1883-1973) содержит сведения об итальянском периоде поэта, прежде всего о его жизни и деятельности в Павии. Главный эпизод переписки – перевод на итальянский язык и издание книги М. Гершензона и Вяч. Иванова “Переписка из двух углов”.

Ольга Синьорелли, переводчик и популяризатор русской культуры в Италии, по происхождению была латышкой. В 1905 г., приехав в Италию, она училась на медицинском факультете в Сиене и в Риме. В 1910 г. вышла замуж за Анджело Синьорелли, врача и любителя искусств, и с тех пор их дом стал одним из центров культурной жизни итальянской столицы, посещаемый в течение нескольких десятилетий крупнейшими писателями, художниками и музыкантами не только Италии, но и всей Европы. Во время Первой мировой войны, в послевоенные и пореволюционные годы О. Синьорелли помогала многочисленным русским литераторам и художникам. Благодаря связям своего мужа с официальными кругами столицы, она часто содействовала представителям русской эмиграции в получении итальянской визы.¹

¹ Более подробно о ней см: Минувшее. 5, с. 167-168 и *Materiali sull'emigrazione russa dall'archivio di Olga Resnevič Signorelli* // *Eurogra Orientalis*, 10, 1991 <далее указ. как ЕО>, с. 383-384. Из материалов ее архива нами опубликованы следующие переписки: письма Н. С. Гончаровой и М. Ф. Ларионова // Минувшее. 5, с. 165-182. Также опубликованы письма Нины Петровской к ней // Минувшее. 8, с. 91-133, письма В. Ходасевича и Н. Берберовой // *In memoriam*, исторический сборник памяти А. И. Добкина. СПб. – Париж 2000, с. 277-300. На итальянском языке издана следующая переписка: F. de Pisis, *Lettere a un'amica (50 lettere a Olga Signorelli) (1919-1952)*, Milano 1967; *Carteggio Papini-Signorelli*, Milano 1968; G. Comisso, *Lettere a Olga Signorelli. 1929-1967*, L'Aquila 1984; *Il carteggio tra E. Gordon-Craig e Olga*

Среди русских, на долгое время обосновавшихся в Италии, наиболее глубокой была дружба с П. Муратовым и с Вяч. Ивановым.

Именно Муратов, как свидетельствуют ее воспоминания, устроил встречу с поэтом сразу после его приезда в Рим (см. Приложение 2).²

Публикуемые письма характеризуют как различные стороны ее личности, так и разнообразие деятельности и интересов: от хлопот об итальянской визе для О. Шор и медицинских консультаций для детей Иванова, до ее отношений с представителями русской и итальянской культуры.

Центральным моментом переписки Иванова и О. Синьорелли, как уже говорилось, является перевод “Переписки из двух углов”. Публикуемые материалы не позволяют с точностью определить, когда и как зародилась эта идея. Однако можно предположить, что главной мотивацией проекта был как возрастающий интерес к эпистолярно-философской книге М. Гершензона и Вяч. Иванова после выхода в свет немецкого перевода 1926 г., так и пребывание в Италии одного из авторов.

С начала 20-х годов Синьорелли занялась интенсивной переводческой деятельностью³ и была связана с разными издателями. Первые пробы перевода “Переписки из двух углов” относятся к 1929 г. Работа продолжалась до 1932 г., года публикации. Переписка О. Синьорелли с Вяч. Ивановым и О. Шор, написавшей предисловие к итальянскому изданию, позволяет увидеть все перипетии работы над книгой. После выхода французского перевода *Переписки* в 1930 г. и заинтересованных откликов печати и деятелей европейской культуры Иванову хотелось, чтобы итальянское издание было выполнено на высоком уровне. Замысел издания неоднократно менялся: предполагалось предпослать книге обширное вступление О. Шор, дополнить издание статьей Вяч. Иванова “Кризис гуманизма” и эссе Гершензона “Солнце над мглой” и завершить “Письмом” Вяч. Иванова к Шарлю Дю Босу.⁴ Проект в целом осуществить не удалось: пере-

Resnevič Signorelli (1934-1964), Genova 1989. Написанная ею биография Элеоноры Дузе переведена на многие языки: *Eleonora Duse*, Рим 1938; Берлин 1939; Цюрих 1947; Варшава 1972; Москва 1975, Рига 1987.

² Ольга Синьорелли в 60-ые и 70-ые годы писала мемуары на итальянском языке. Из них издана только часть: *Craig il riformatore* // *La Fiera letteraria*, 30.I.1972; *Diaghilev a Roma*, там же, 9.IV.1972; *T. L. Tolstaja* // *Nuova Antologia*, 3, 1974; *Madama Helbig* // *Osservatore Politico Letterario*, 6, 1975; *La famiglia Jussupov* // *La Strenna dei Romanisti*, 1977.

³ Среди ее переводов: Čechov, *La steppa*, Firenze, La Voce, 1920; Dostoevskij, *Cuor debole. Piccolo eroe*, Firenze, La Voce, 1921; Blok, *Gli Sciti* // *Mercurio*, 1, Roma 1925; Dostoevskij, *Ossessi*, Foligno, Campitelli, 1928 и *Lettere*, Lanciano, Carabba, 1928.

⁴ Письмо опубликовано в переиздании итальянского перевода (Vjač. Ivanov e M. Geršenzon, *Corrispondenza da un angolo all'altro. Dodici lettere russe*, Milano, La Casa di Matriona, 1976). В заметке от издателя говорится, что письмо не было опубликовано в издании 1932 г.

шительность и пассивность издателя, проблемы с переводом, длительные отъезды Синьорелли из Рима, расстояние между корреспондентами, неопределенность относительно вступления, – все это задерживало выход книги, опубликованной только в 32-м году под заглавием “Переписка из двух углов, перевод с русского Ольги Ресневич под редакцией Вячеслава Иванова”.⁵ Вступление О. Шор состояло из краткой истории произведения и двух очерков о жизни и произведениях авторов.

Вяч. Иванов, насколько можно судить по его переписке с О. Шор, имел не очень высокое мнение о переводческих способностях О. И. Ресневич, для которой итальянский не был родным, между тем, перевод “Переписки из двух углов” требовал языкового чутья и глубоких лингвистических познаний. В письме от 20.10.1931, стараясь не обидеть корреспондентку, Вяч. Иванов настаивает на необходимости продолжать работать над стилем, подчеркивает значимость публикации этого текста, ставшего к тому времени важной составляющей в международной идеологической дискуссии, тем более что известность автора как поэта и философа постоянно росла.

В письмах исподволь обсуждается вопрос о заглавии итальянской книги. Вяч. Иванов авторитетно настаивает на более выразительном варианте, повторяющим французское название. Другая любопытная деталь, отразившаяся в переписке – это выбор псевдонима для Ольги Шор. Речь также идет о точности формулировок и частностях перевода: Синьорелли настаивала, чтобы исправления, сделанные Ивановым, были огорены. Окончательный вариант перевода, ставшего плодом совместных усилий, был прочитан и проверен Джузеппе Де Лука.

Письма В. И. Иванова хранятся в фонде Синьорелли (Fondazione Cini, Venezia, Collezione Olga Signorelli. Lettere). Письма от 17.II.'27; 27.V.'28; 17.II.'29; 4.V.'30; 31.XII.'31 на бланке Almo Collegio Borromeo. Письма О. Синьорелли находятся в РАИ, публикуются частично.

Фрагмент переписки О. И. Синьорелли и О. А. Шор приведен в Приложении I. Письма О. Шор хранятся в фонде Синьорелли, письма О. Синьорелли к О. Шор – в РАИ. В Приложении II приводится фрагмент из воспоминаний, написанных О. И. Синьорелли в 60-ые годы.

по запрету самого Муссолини, не желающего вступать в конфликт с советским режимом. Как следует из письма Иванова к Синьорелли от 16 декабря 1931, это утверждение неверно: отказался печатать “Письмо к Дю Босу” сам автор.

⁵ Venceslao Ivanov e M. O. Gherascenzon, *Corrispondenza da un angolo all'altro*. Traduzione dal russo di Olga Resnevic riveduta da Venceslao Ivanov. Introduzione di O. Deschartes, Lanciano, Carabba, 1932.

1. В. И. Иванов – О. И. Синьорелли
1924-1925 г., Рим.¹

Понедельник

Глубокоуважаемая Ольга Ивановна,

Благодарю Вас за присылку книги. То, что Вы задержали ее на день, несколько меня не стеснило. Напротив, я рад, что чтение заинтересовало Вас.

Я познакомился в Istituto per l'Europa Orientale² с Sig. Prezzolini.³ Он дал мне книжку для перевода на русский язык.⁴ Надеюсь хорошо поговорить с ним в Вашем обществе.

Совершенно преданный Вам

Вяч. Иванов.

¹ Судя по официально-формальному обращению, это первое письмо Иванова к своей корреспондентке.

² Институт по изучению Восточной Европы (1921-1944) был основан Этторе Ло Гатто. При институте была создана библиотека и выходила серия научных исследований.

³ Giuseppe Prezzolini (1882-1982), писатель и журналист. В 20-ые годы он состоял в ученом совете Института по изучению Восточной Европы.

⁴ Не удалось установить, о какой книге идет речь.

2. В. И. Иванов – О. И. Синьорелли
14 февраля 1927 г., Павия.

14 февраля 1927

Дорогая Ольга Ивановна,

Отлученный так давно от общения с Вами, я сильно соскучился по прежней возможности частых свиданий и обмена, хотя бы при посредстве легчайших намеков, взаимными вестями о текущих сновидениях двух на-

раллельно движущих душевных жизней. Ведь достаточно было сказать одному из нас: “пустыня”, другому – “море”, чтобы каждый мог угадать душевный пейзаж другого: каждый продолжал *свое* странствование, но оба странника *шли* вперед и не теряли друг друга из вида; и каждое мгновение возможна была радостная встреча на общем перепутьи.

А теперь нет между нами не только встреч, но и переклички, и мне грустно...

Я, эгоистически и вполне прозаически, заставляю Вас и Вашего бесконечно доброго и милого супруга¹ думать и беспокоиться о моих делах и горячо благодарю за это Вас обоих. Не знаю, дали ли римские власти здешним властям разрешение, – должно быть, да! – но лекции мои в здешнем университете успешно состоялись.

Что касается будущего, оно совершенно неопределенно. Передайте Вашему мужу, с моим сердечным приветом, выражение моей глубокой признательности за все его попечения обо мне и о его пациентке, моей дочери, но вместе – увы! – и новую (или пожалуй, уже не новую, а только возобновляемую) очередную просьбу от Ольги Александровны Шор. Я слишком знаю, как мы надоедаем Вам просьбами о поддержке ходатайств об итальянских визах, и может быть справедливо было бы, если бы Вы решились отстраниться наконец от всякого дальнейшего действия в этом направлении. Но за Шор я должен просить совсем *особенно*. Она – мой преданный друг, ведет с полным самоотвержением все мои дела в России, спасает меня там непрерывно, добывает мне деньги, бережет мое добро, устраивает издания моих работ (теперь, благодаря ей, печатается в Москве мой Эсхил²) и пр<очее>. Я ей бесконечно обязан. И она – чудесный и образованный человек. Ее работа о Микель-Анджело замечательна.³

Цель ее итальянского путешествия – изучение Микель-Анджело. Ее официальная командировка от Московской Академии Художественных Наук (которая издает и моего Эсхила) – завязать кое-какие отношения между Академией и итальянскими институтами, изучающими искусство с научной точки зрения, а также помочь в деле устройства русского отделения на выставке в Monza-Milano.⁴ Живет она исключительно интересами искусства и философии, да практическим альтруизмом, и принадлежит к известной в Москве музыкальной семье Шоров (ее дядя – пианист, профессор московской консерватории и бывший директор частной консерватории,⁵ отец имел фабрику роялей). Я прилагаю ее письмо к Вам.⁶ Ее двоюродного брата я однажды Вам представил в Риме.⁷ Теперь она в Германии, где читает какие-то лекции по искусству или философии, и стремится в страну своего излюбленного Микель-Анджело.

Что же делать? – и это письмо только деловое, – но ведь не едете Вы опять на волшебные острова и мы все же увидимся в июне, в Риме,

не правда ли? Не изменяйте нашей дружбе! Дружески Ваш
Вячеслав Иванов.

¹ Angelo Signorelli (1876-1952). См. предисловие к настоящей публикации.

² Стихотворные переводы Эсхила, сделанные В. И. Ивановым, изданы в серии Литературные памятники, М., Наука, 1989. Об ивановских переводах Эсхила см. также *Письма Вячеслава Иванова к Ольге Шор* в наст. томе.

³ См. *Письма Вячеслава Иванова к Ольге Шор* в наст. томе, по указателю.

⁴ Речь идет о Третьей Международной Выставке Изобразительных Искусств, организованной в городе Монца, близ Милана, в Королевской Вилле (Villa Reale) (май–октябрь 1927). Отделение СССР занимало несколько залов. В списке организаторов – П. Коган, председатель ГАХН (председатель), В. Мориц (заместитель председателя), В. Никольский, В. Терновец, В. Шапочников (генеральный секретарь). Значительная часть экспонатов состояла из произведений народного творчества, но выставлялись также работы В. Фаворского, а в театральной секции – макеты и фотографии двух постановок Мейерхольда: *Ревизор* Гоголя и *Мандат* Эрдмана. См. *Terza Mostra Internazionale delle Arti Decorative. Consorzio Milano-Monza. Catalogo, Milano 1927*, с. 56-71. В письмах О. Шор этого периода упоминается мандат, полученный от Академии Художественных Наук (см. переписку Иванов – Шор).

⁵ Имеется в виду Давид Соломонович Шор (1867-1942).

⁶ Имеется в виду письмо О. Шор от 7 февраля 1927 (см. Приложение 1 к наст. публикации). К письму Иванова приложен перевод на итальянский язык мандата от ГАХН. В письме Шор к Иванову от того же числа текст мандата приводится на фр. яз. (см. переписку Иванов – Шор).

⁷ Имеется в виду Евсей Давидович Шор (1891-1974), сын Давида Соломоновича. В архиве Синьорелли хранятся письма Е. Д. Шора к Ольге Ивановне, из которых можно получить информацию о его жизни в Германии и о пребывании в Италии до отъезда в Тель-Авив (1933-1934).

3. О. И. Синьорелли – В. И. Иванову
17 февраля 1928 г., Рим.¹

Рим, 17 февраля
via XX Settembre 68

Дорогой Вячеслав Иванович,
уже две недели как собираюсь Вам писать, чтобы Вас использовать. Несколько лет тому назад, переводя “Святой ночью” Чехова, не сумела справиться с этими несколькими строками из акафистов, кот<орые> писал какой-то монах.² Теперь есть случай печатать этот рассказ³ и я буду Вам бесконечно признательна за помощь.

Как Вы уже знаете, Caffi⁴ уехал во Францию. Я очень рада за него, хотя в духовном отношении с его отъездом моя духовная жизнь в Риме стала гораздо беднее.

Видаю иногда Ольгу Александровну, но очень уж редко... Знаю, что Дима⁵ продолжает чувствовать себя хорошо, но давно к нему не заезжала. Надеюсь сделать это на следующей неделе. Работаю понемногу, но без увлечения и без размаха. Мне всегда кажется, что здесь, в Риме, что-то очень тяжелое давит надо мной, или какие-то чужие магнетические токи высасывают мою силу и разлагают волю. Крепко и сердечно жму Вашу руку.

Ваша
Ольга Синьорелли.

Дорогой друг,
нашла еще эти несколько строк, с которыми не знаю как справиться... Простите. Я еще опьянена впечатлением *полета*, который свершила сегодня... Как все мелко и ничтожно с высоты! Колизей, Quirinale, S. Pietro – самый Рим – все какие-то ничтожные игрушки!

Всего Вам наилучшего и сердечно жму руку.
Ольга Синьорелли.

¹ Датируется по содержанию.

² К письму приложены две страницы с цитатами из чеховского рассказа.

³ Рассказ вышел в свет в изд. А. Чехов, *Jonyc, Notte di Pasqua, Brava Gente*, Lanciano, Sarabba, 1931. Перевод фрагмента из акафиста Иванова см. в Приложении к Переписке Иванова с О. Шор.

⁴ Andrea Caffi (1887-1955), журналист, философ, переводчик, специалист по эллинской и византийской культуре. Родился в Петербурге. Большевик. Был арестован и в 1908 выслан из России; жил в разных странах Европы. В Италии, после Первой Мировой Войны, основал два журнала, "La Vita delle Nazioni" и "La Giovane Europa" (вместе с Umberto Zanotti-Bianco). В 10-ые годы сотрудничал в ж. "La Voce". Вернувшись в Россию в 1919, был снова арестован. В 1923 переехал в Италию, жил в Риме, где общался с антифашистской интеллигенцией. Решение уехать во Францию было вызвано главным образом ухудшением политической ситуации. О нем более подробно см. предисловие к кн. А. Caffi, *Critica della violenza*, Milano 1966, с. 5-25; G. Bianco, *Un socialista irregolare: Andrea Caffi intellettuale e politico d'avanguardia*, Cosenza 1977; Antonello Venturi, *Rivoluzionari russi in Italia 1917-1921*, Milano 1979, с. 141-144. См. также *Dizionario biografico degli italiani*, v. XIV. О его отношениях к Иванову см. Europa Orientalis, VIII, 1989, с. 498-99.

⁵ Д. В. Иванов. Его воспоминания о О. И. Синьорелли опубликованы в статье *Una russa a Roma // Vita Italiana*, 28/29, 1970, под псевдонимом Jean Neuvécelle.

4. В. И. Иванов – О. И. Синьорелли
24 февраля 1928 г., Павия.

Павия, 24 февр. 28

Дорогая Ольга Ивановна,
с удовольствием выполнил я Ваше приятное поручение: перевод прилагаю.¹

Мне тяжело слышать, что Вы так часто испытываете угнетенное душевное состояние. Здесь есть несомненно доля самовнушения, которое Вам легко победить собственным усилием, потому что Вы умеете становиться духовно выше жизни. Найдите *в себе* силу для этого действия *высшей* воли, выйдя из границ тесного личного *я*. Кто знает в себе свое *высшее я*, и может минутами прильнуть к нему всецело и почувствовать себя всецело в нем, в этом высшем *я*, – тот должен положить свои невидимые руки на плечи своего низшего земного *я* и вести его, куда хочет, как ребенка, – и как ребенка, ободрить его, отогнать от него всякий страх и уныние, вдохнуть в него силу и радость.

Я также рад, что Каффи решил уехать во Францию и взглянуть на дело просто, здорово и правильно, но мне также будет жаль не найти его на Пасхе в Риме. Ольга Александровна хворала флебитом ноги, что меня тревожит; может быть поэтому Вы ее видите редко, и это очень жаль.

Я, к сожалению, никогда не испытывал впечатление полета. Но напрасно, взглянув на Рим с воздушной высоты, Вы нашли мелкими и ничтожными человеческие творения. Поверьте, что одна клеточка нашего мозга содержит в себе больше ценности и вечности, чем любая междупланетная пустота. Не нужно поклоняться Пространству, как и Времени, и признавать власть этих двух призраков над нами.

О Диме я слышу хорошее, но далек от оптимизма... Благодарю Вас и Вашего мужа за все ваши драгоценные заботы о нем.

Желаю Вам душевной бодрости, ясности и вдохновения.

Дружески Ваш всецело

Вяч. Иванов.

¹ См. также письмо В. Иванова к О. Шор от 26 февраля 1928. В письме от 7 марта О. И. благодарит корреспондента за “чудный перевод”.

5. В. И. Иванов – О. И. Синьорелли
27 мая 1928 г., Павия.

27 мая 1928

Дорогая Ольга Ивановна,

Вы меня знаете, как знают друга. Вы понимаете и недосказанное и вовсе не сказанное... Вы знаете, как я переживаю в глубине души все, что Вы делали и делаете для Димы и нас с Лидией. Вы читаете в моей душе ту огромную, незабвенную благодарность, для выражения которой я напрасно стал бы искать слова, которые бы не уменьшали того, что я хотел бы сказать. Примите мой почти немой знак признательности – так, как я желал бы, чтобы Вы его душевно расслышали!..

Мне пишет Ольга Александровна, которая любовно-чутко к Вам прислушивается, что Вам опять взгрустнулось. Правда ли? Мужества, духовного мужества, дорогая! Перед Вами такое широкое поле чудесной деятельности, прекрасной полноты духа, всевозрастающего постижения...

Вероятно, я буду в Риме: увидимся ли? поговорим ли, как некогда, в *прежнее спокойное время*. Вы сердечно тронули меня милым приветом из Пестума.¹

Ваш бесконечно благодарный и преданный друг.

Вяч. Иванов.

¹ По всей вероятности, речь идет об открытке, отправленной Иванову из города Пестум на юге Италии, где сохранились греческие храмы и др. древние постройки. В архиве Иванова открытка нами не обнаружена.

6. О. И. Синьорелли – В. И. Иванову
13 февраля 1929 г., Рим.

Рим, 13 февраля 29
via XX Settembre 68

Дорогой Вячеслав Иванович,

дня три тому назад послала Вам книжку *Мед и кровь*¹ и очень Вас прошу вернуть мне ее как можно скорее. Надеюсь, что до понедельника Вы успеете и прочесть и выслать ее обратно. Прошу Вас, напишите и

Ваше впечатление об этой книжке, которая показалась очень интересной и мне и Ольге Александровне, так что вместе и порешили послать Вам ее. <...> Была бы очень благодарна, если бы Вы могли мне вернуть просмотренный Вами перевод.² Издаст его Carabba в коллекции *La cultura dell'anima*,³ и так как я требую, чтобы книжка вышла не позже мая, надо делать контракт не позже конца февраля.

Пишите мне.

Сегодня la commemorazione di Onofri,⁴ куда пойду с Ол<ьгой> Ал<ександровной>. На улице идет снег и кружится в виде метели. На душе сегодня грустно. Пишите мне.

Была два раза в Министерстве, чтобы хлопотать о премии для Лидии, но человек, от которого это зависит, продолжает быть больным. Но я его знаю, и Casella⁵ его знает, и будьте спокойны, что это все уладится. Жму крепко и сердечно Вашу руку.

Ольга Синьорелли.

¹ Имеется в виду роман Николая Ивановича Колоколова (1897-1933), опубликованный в 1928 г. Синьорелли перевела роман для издательства Mondadori (*Miele e sangue*, Milano 1931). В те годы Колоколов был одним из любимых писателей М. Горького, который, как можно заключить из архивных материалов (письмо Н. А. Пешковой к О. И. Синьорелли от 8 мая 1929), посоветовал Синьорелли перевести его произведения. В архиве Синьорелли хранится письмо Колоколова от 26 августа 1929 с автобиографической справкой.

² Имеется в виду *Переписка из двух углов*.

³ *Культура души* (ит.).

⁴ Заседание, посвященное памяти памяти (ит.). Arturo Onofri (1885-1928), поэт, литературный критик, антропософ, переводчик Р. Штейнера.

⁵ Alfredo Casella (1883-1947), композитор, пианист, дирижер.

7. В. И. Иванов – О. И. Синьорелли
17 февраля 1929 г., Павия.

17. II. 29

Дорогая Ольга Ивановна,

Книжку *Мед и кровь*, я надеюсь, Вы уже получили обратно. Благодарю Вас за присылку. Она, конечно, очень любопытна. У автора есть дарование. К сожалению, он испортил свой вкус чтением Андрея Белого, которому часто подражает робко и фальшиво. Главная неудача Колоко-

лова – натянутая идеализация отвратительного чекиста. Или автор покривил душой (что есть художественное самоубийство), или он просто плохой художник, потому что крупный художник не может так грубо ошибиться в исследовании сердца человеческого. Притом и историческое изображение Накатова кажется неверным: кровавая школа эс-эрского террора, основанная на совсем других нравственных уклонах и соблазнах, накатовской психологии, по-видимому, не породила. Одно утешение: Накатов умирает естественной смертью. В символическом истолковании это значит, что накатовщина умрет сама собой. В общем автор служит и нашим, и вашим: Госиздат доволен прославлением Чеки; враги революции могут быть довольны яркой картиной постепенного развращения народной души. Книжка мне не понравилась: ни в ее *меду*, ни в ее *крови* ровно нет веры в Бога. Уже по одному этому Госиздат прав со своей точки зрения, распространяя ее в массах.

Простите мою долгую задержку Вашего перевода. Многочисленные занятия, отложить которые было мне по внешним обстоятельствам невозможно, или по духовным запросам мучительно, отнимали у меня все время. Постараюсь теперь спешно сделать эту работу, хотя *incagico*¹ в университете еще увеличило мои повседневные заботы.

Неожиданно скорая кончина незабвенного Onofri глубоко меня огорчила; о нем моя душевная дума.

Благодарю Вас от души за добрые хлопоты о премии Лидии, и рад, что Вы не теряете надежды на успех. Лидия посылает Вам вышедшие на этих днях из печати свои детские песенки о *pane nostro*.² Приветствуйте от меня Вашего супруга сердечно.

Верьте в мою неизменную, крепкую, глубокую и благодарную дружбу.

Ваш Вяч. Иванов.

¹ Имеется в виду место преподавателя русского языка в Collegio Vogomeo. См. письмо от 22 ноября 1928 в переписке Иванов – Шор. О деятельности В. Иванова в Павии см. также Fausto Malcovati, *Vjačeslav Ivanov a Pavia*, Pavia 1986.

² См. письма от 13 апреля 1928 и 23 января 1929 в переписке Иванов – Шор.

8. В. И. Иванов – О. И. Синьорелли
3 марта 1929 г., Павия.¹

3 марта 29

Дорогая Ольга Ивановна,

Окончив работу со всей спешностью, какая только была возможна, высылаю Вам рукопись заказной и *espresso*.² Но прошу Вас прислать мне *bozze*,³ потому что рукопись все же не в полном порядке и много в ней мест трудных и сбивчивых для набора, и я не уверен, все ли еще заметил, что нуждалось в исправлении. Напишите мне, получена ли рукопись и какова ее судьба. Сердечный привет. Простите задержку и постарайтесь печатать немедленно.

Преданный Вам

Вяч. Иванов.

¹ Почтовая открытка.

² Имеется в виду перевод *Переписки из двух углов*. В письме от 27 февраля Синьорелли просила Иванова прислать рукопись “как можно скорее”, и добавляла: “*Carabba* надоедает мне почти ежедневно и грозит, что, если книжка не будет набрана в марте, она не выйдет к Рождеству, а если будет набрана в марте, выйдет в апреле”.

³ Гранки (ит.).

9. В. И. Иванов – О. И. Синьорелли
4 мая 1930 г., Павия.

4 мая 30

Дорогая Ольга Ивановна,

Письмо к Александру Яковлевичу Таирову было послано мной 2-го мая утром *espresso* на Teatro Valle.¹ В письме я дал ему и Ваш парижский адрес.² Старался, между прочим, привлечь его внимание на талант Вашей милой дочери (и моего друга).³ Но это обстоятельное письмо писал я все же, признаюсь, нехотя. Не потому только, что я очень мало и поверхностно знаком с Таировым, но главным образом потому, что в душе не сочувствую его бездушному снобизму. Как поживаете вы обе в Париже, и хорошо ли удалась выставка? От души желаю Марии самого блес-

тящего успеха, но не менее горячо желаю ей сохранить свою художественную и душевную независимость, внутреннюю самостоятельность, которая в Париже должна подвергнуться трудному и ответственному испытанию. Итак, сердечные приветы и всего, всего светлого!

Ваш глубоко преданный
Вячеслав Иванов.

P.S. Видитесь ли Вы с Андреем Ивановичем Каффи? Как ему писать?

¹ В 1930 *Камерный театр* Александра Таирова гастролировал по Европе. В Италии труппа выступала в Турине, во Флоренции, в Риме (Teatro Valle) и в Милане. В репертуаре: *Гроза* А. Н. Островского и *Негр* О'Нила. См. воспоминания А. Коонен "Страницы жизни". М. 1975, с. 333-335. О. Синьорелли писала для журнала "L'Italia Letteraria" (30. V. 1930) статью о Станиславском и Таирове. Письмо, в котором Синьорелли просила В. И. написать Таирову, в архиве Иванова обнаружено нами не было. В архиве Синьорелли хранятся 2 письма Таирова к Синьорелли за 1935 и 1936 гг.

² Письмо адресовано в Париж, Hôtel d'Isly, rue Jacob.

³ Имеется в виду старшая дочь Ольги Ивановны, Мария (1908-1992), крупный специалист по кукольному театру, которая в эти годы устраивала выставки марионеток.

10. В. И. Иванов – О. И. Синьорелли
20 октября 1931 г., Ноли.

Noli (Savona), albergo Europa, 20.X. 31

Дорогая Ольга Ивановна,

Простите меня, что только теперь откликаюсь на Ваше милое письмо, полученное мною в Давосе. Я был там очень, очень занят: нужно было срочно послать мое сообщение о Петрарке для Congresso Petrarchesco in Arezzo.¹ С 15 окт<ября> мы с Фламинго на Ривьере. Сегодня пришло Ваше письмо к Фламинго вместе с письмом Carabba.² Вы спрашивали меня, "остался ли я доволен переводом". О, да! – в общем... Много в нем очень удачно, многое неточно или стилистически небрежно. Он неровен. Но за это время вышел в свет французский перевод, блестящий,³ (который, однако, я также изменил во многом!). В том переводе многие места переписки, не поддававшиеся точному переводу, нашли свою окончательную форму, которой нужно было воспользоваться и для итальянского издания. *Переписка* вообще стала настолько ответственной во всех своих деталях,

была оценена столь высоко (см. напр<имер> рецензию в “Nouvelle Revue Française” за май, также рецензию Don De Luca в “Vita e Pensiero”),⁴ что нужно было приложить к ней все возможное внимание, взвесить каждое слово и оборот речи, сделать более ясными и отчетливыми многие места, не достаточно точно передающие мысль авторов в оригинале, что неизбежно повлекло за собой многочисленные изменения в набранном тексте. Фламинго со своей стороны должна была исправить многое в своем предисловии.⁵ Текст целиком был выверен еще со стороны языка при помощи ученых-итальянцев.⁶ Мало того: мне захотелось дать многочисленные поэтические цитаты (чаще всего из моих стихов) в стихотворной форме, что, разумеется, делает перевод более красивым. Одним словом, было в моих глазах безусловно и во что бы то ни стало необходимым придать *Переписке* в ее итальянской одежде вид достойной серьезной книги, рассчитанной не на моду дня, а на длительное существование, и перед этим внутренним долгом отошли на задний план все другие соображения. На этом я и *стою*. Carabba прав: такие изменения (раньше их по многим причинам нельзя было предпринять) при *машинном* наборе дают ему убыток. Чтобы помочь горю, я со своей стороны отказываюсь от всякого гонорара в том случае, если он, Carabba, будет печатать книгу немедленно. Но если он отложит ее выход опять надолго, я ни от чего не отказываюсь, а он, ничего не выгадывая, будет действовать против своих же интересов, так как теперь *Переписка*, выходящая отдельной книгой и по-французски, будет лучше покупаться.

Вам, как переводчице, могут показаться насильственно навязанными многие выражения, которые, Вам, быть может, не по душе, Вы можете, если хотите, дать в заголовке не одно свое имя, но вместе с моим: *traduzione di Olga Signorelli e V. I.*⁷ Если Carabba хочет тянуть, может быть, он отдаст свои права другому издательству, которое я без труда подыщу и которое окупит его издержки на набор. Прошу Вас немедленно написать ему и выяснить дело. Договора я с ним не заключал, и не могу лично переписываться. Акции мои на литературной бирже сильно поднялись, мое имя становится и в Италии известным, и мои авторские интересы страдают от задержки издания.

Я провел с Димой и Лидией очень счастливо полтора месяца в Швейцарии. Состояние здоровья Димы вполне удовлетворительно. Теперь они оба в Энгельберге, где он учится, а Лидия продолжает свои сложные и большие музыкальные работы. Они оба просили нежно приветствовать Вас, когда я буду Вам отвечать.

Передайте мой сердечный привет Вашему мужу. Марии я должен письмо и буду писать в Берлин из Павии, где буду опять в первых днях ноября.

С глубоким уважением. Сердечно Вам преданный
Вячеслав Иванов.

P.S. Не забудьте обещания заехать в Павию из Милана!

¹ Текст доклада был напечатан под названием *Il lauro nella poesia del Petrarca* // *Annali della Cattedra Petrarcesca*, vol. IV, Firenze 1932.

² 1-го сентября Синьорелли писала Иванову: “Хотелось узнать и кое-что про корректуру. Послали ли Вы ее Giuseppe Carabba? Остались ли довольны переводом? Это два вопроса, которые меня сильно тревожат”.

³ Перевод Е. А. Извольской *Correspondance d'un coin à l'autre* вышел сначала в журнале “Vigile”, 4, 1930, затем отдельной книгой (Paris, R. Corréa, 1931) с предисловием Г. Марселя и “Письмом” Иванова к Шарлю Дю Босу.

⁴ Рецензия Gabriel Marcel'я опубликована в ж. “Nouvelle Revue Française”, 1.V.1931. Отзыв Don De Luca о французском издании “Переписки” см. в статье *A proposito di “Vigile”* // *Vita e Pensiero*, 1931, anno XVII, vol. XXII, fasc. 8, октябрь 1931, с. 589.

⁵ См. переписку В. И. Иванова – О. Шор в наст. издании.

⁶ Возможно, речь идет о доне Леопольдо Рибольди или о павийских коллегах, но точных сведений найти не удалось.

⁷ Перевод Ольги Синьорелли и В. И. (ит.).

11. В. И. Иванов – О. И. Синьорелли
16 декабря 1931 г., Павия.

16 декабря 31

Дорогая Ольга Ивановна,
посылаю Вам *Correspondance* и пишу спешно только два деловых слова.

Во второй корректуре, отосланной мной в Lanciano (Casa Editrice R. Carabba – Collana *Cultura dell'Anima*, al Sig. Giuseppe Carabba) уже 7 декабря, я внес исключительно типографские поправки (некоторые строки выпали из набора) и прибавил одно примечание, которого не было раньше, а именно важную цитату из рецензии на *Переписку* Gabriel Marcel'я (“Nouvelle Revue Française” за май). Если бы он действительно спешил выпустить книгу к Рождеству, он давно бы мог это сделать.

Разумеется, мне было бы приятно и было бы полезно проверить, как внесенные мною поправки выполнены.

Если Карабба безусловно спешит выпустить книжку сейчас, я его одобряю вполне. Если же он вовсе не торопится выпуском книги в Рождественские дни, то можно думать о том, не выиграет ли итальянское издание в полноте, если в конце будет прибавлен перевод моего письма к Charles Du Bos, как это сделано во французском издании. Я со своей стороны отнюдь на этом и не настаиваю, тем более что во вступлении есть цитаты из этого письма. Как Вы думаете? Важнее всего не задерживать выпуска книги. Уведомьте меня, стоит ли переводить письмо: тогда я сам могу здесь с помощью друзей это скоро выполнить.

Карабба напечатал на заглавном листке бессмысленно: *Corrispondenza etc. rivista dall'autore, traduzione di Olga R.*,¹ – т. е. *Corrispondenza rivista*, а не *traduzione rivista*.² И притом авторов два, так что *dall'autore*³ возбуждает у всех смех. Я вычеркнул *rivista dall'autore*⁴ и объяснил на полях: *Ce ne sono due, da quale dunque? Bisognerebbe dire da V. Ivanov, e questo mi pare brutto. Cancelliamo dunque queste parole e aggiungiamo all'annotazione a p. 1: Il testo delle lettere di V. I. è stato riveduto per la presente edizione dall'autore.*⁵ Но если Вы хотите непременно (зачем однако?) оговорить, что *traduzione* была просмотрена мною, нужно было бы сказать *traduzione rivista da V. Ivanov e Olga R.*, ciò che è bruttissimo,⁶ или лучше просто: *traduzione autorizzata di O. R.*,⁷ или наконец: *traduzione di Olga R., e V. Ivanov.*

Крепко жму Вашу руку.

Душевно Ваш и благодарный

В<ячеслав> И<ванов>.

¹ Переписка и т. д., под редакцией автора, перевод Ольги Р. (ит.).

² Переписка и т. д., под редакцией, а не перевод под редакцией (ит.).

³ Автором (ит.).

⁴ Под редакцией автора (ит.).

⁵ У книги два автора, поэтому, которого из двух? Надо было бы сказать *Иванова*, что не кажется мне вполне корректным. Лучше зачеркнуть все это и добавить к сноске на 1-ой стр.: “Перевод писем В. И. был проверен для настоящего издания автором” (ит.).

⁶ “Перевод под редакцией В. Иванова и Ольги Р.”, но это звучит ужасно (ит.).

⁷ Перевод авторизованный (ит.).

12. В. И. Иванов – О. И. Синьорелли
16 декабря 1931 г., Павия.

16 дек. 31

Дорогая Ольга Ивановна,

Еще два слова в дополнение к сегодняшнему письму. Из Вашего письма к О<льге> А<лександровне> нельзя догадаться, которая корректура у Вас в руках – 2-ая или 3-ья? Возможно, что Carabba успел исправить все, мной отмеченное во 2-ой корректуре, и прислал Вам *окончательно* исправленный текст, вместо того, чтобы направить его мне, потому что меня он знать не хочет, и ждет от Вас на корректуре помету *печатать*. Если это 2-ая корректура, отошлите ее Караббе немедленно, без всяких поправок (ибо таковые уже сделаны), но отошлите, *потому* >ч<то> он может ждать ее и без Вашего утверждения не печатать книги. Но сделайте помету: *исправить по указаниям В. Иванова*.*

Если же это 3-ья корректура, то – также немедленно – перешлите ее мне для проверки, все ли поправки хорошо выполнены, и я через несколько *часов* отошлю ее Караббе с надписью *si può stampare*. Как видите, я сам очень заинтересован выходом книги теперь же на Рождестве, и думаю даже, что о *письме* уже поздно и не стоит больше думать¹ – это неважно.

Но Вы спросите: как же отличить 2-ую корректуру от 3-ей. Вот Вам признаки:

Если на заглавном листке есть слова *rivista dall'autore*, значит это 2-ая корректура; если же их нет, то это 3-ья корректура.

Другой признак: в 3-ей корректуре должно быть, в начале введения, после слов текста *la hantise de la tabula rasa*² – новое примечание под текстом с длинной французской цитатой из статьи Gabriel Marcel'я, напечатанной в "Nouvelle Revue Française". Если этого длинного примечания о Gabriel Marcel нет, то у Вас 2-ая, а не 3-ья корректура

Итак, 3-ью корректуру посылайте немедленно мне (а 2-ую немедленно же Караббе – без всяких поправок, как ту, так и другую), а вместо возврата 2-ой написать *espresso* Караббе, чтобы он исправил по-моему и прислал 3-ью *корр<ектуру> мне*. По-моему, оставьте на обложке просто *traduzione di O. R. Signorelli*. Если же Вы упрямитесь, то или *traduzione autorizzata di O. R. S<ignorelli>* или *traduzione di Olga Resnevic e V. Ivanov*,

как и на обложке франц<узской> книжки: *traduction par Hélène Izwolski et Charles du Bos* – последний немного редактировал перевод Елены Извольской.

Вот какая суматоха и спешка! Простите. Ваш сердечно
Вяч<еслав> Иванов.

Карабба так невежествен, что не присоединяет к корректуре текста предыдущей корректуры, на основании которого сделаны поправки: так что ничего нельзя понять!

* Нет, если это 2-ая корректура, просто напишите Караббе (как советуем Фламинго), чтобы исправил по моей 2-ой корректуре.

¹ Речь идет о переводе “Письма” Иванова к Дю Босу.

² Навязчивая идея (фр.) о *tabula rasa*. Фраза и цитата из Г. Марсея были сохранены в окончательной редакции.

13. В. И. Иванов – О. И. Синьорелли
31 декабря 1931 г., Павия.

31 декабря 1931

Дорогая Ольга Ивановна,

Желаю Вам счастливого нового года – плодотворного, радостного и гармоничного. Прошу Вас передать мои сердечные новогодние пожелания всего светлого и радостного Вашему мужу и дочерям.

Перевод “Письма” отправлен Giuseppe Carabba. Распорядитесь пожалуйста, чтобы он послал мне с корректурой “Письма” и окончательную корректуру (3-ью) всей “Переписки” (*вместе со 2-ой корректурой* для облегчения правки – это очень важно). Прочтя 3-ью корректуру я поставлю на ней *imprimatur*. Относительно титульного листа я бы желал Вашего согласия на следующее:

1) Так как *Вы* настаиваете, чтобы мое участие в окончательной редакции перевода было отмечено в самой заглавии книги¹ (хотя я лично считаю это совершенно излишним и напрасным, и во всех отношениях нежелательным), то я не вижу другого решения этой трудной (по форме) задачи, как выставить:

traduzione di Olga Resnevič e V. Ivanov.

2) Заглавие, длинное, тягучее, неудачное для легкого и скорого усвоения читателями, и притом не достаточно острое и возбуждательное и оригинальное *fra due angoli della stessa camera*² я бы хотел заменить коротким, острым, неожиданным:

“Corrispondenza da un angolo all’altro”.

Как по-французски: *d’un coin à l’autre*. По-французски это звучит превосходно. Но все *итальянцы*, литературные знатоки, с которыми я здесь советовался, утверждают, что и по-итальянски это вполне хорошо и выразительно, и советуют сказать так, а не как прежде, с ненужным пояснением: *della stessa camera*. Чем своеобразнее заглавие, тем лучше: пусть будет оно удивлять, только бы было коротко и *frappant*.³ Поэтому я настаиваю на этой перемене и беру всю ответственность за нее на себя. Вы согласились на прежнее заглавие под впечатлением немецкого перевода: *zwischen zwei Zimmerwinken*.⁴ Но по-немецки *Zimmerwinken* одно слово. Не понимаю, почему Carabba не хотел выпустить книгу к Рождеству, имея к тому все возможности. Крепко жму руку и остаюсь дружески преданный. Вяч. Иванов

“Selige Sehnsucht”⁵ приводить целиком не нужно, у меня выписаны в примечании *две нужные* строфы. Конечно было бы не беда выписать и все стихотворение, но ведь теперь Карабба уже конечно пагинировал (т. е. распределил по страницам) весь текст, такое приложение можно было сделать только в гранках, а теперь невозможно. Да и не нужно вовсе, потому что итальянцы боятся немецких текстов столь же, сколь и любят <?> цитаты французские.

Была лекция по радио о моей поэзии (*L’amor divino e l’amor umano nella poesia di V. I.*) в вечер Рождества – очень удачная: в ней цитировалось *Письмо* – в самом деле оно будет поднимать интерес книги. Но оно уже обошлось мне в 25 лир *come anticipo*,⁶ поэтому Карабба должен был бы за него прибавить *una mancia*.⁷

¹ В письме от 20. XII. 1931 Синьорелли писала: “Что касается *l’instestazione Переписки* составьте ее в таком порядке, чтобы видно было, что Вы просмотрели перевод. Обыкновенно говорится *rivisto* или *rieduto* (*autorizzato* не подходит). Если хотите поставьте, <что> переведена Вами и мной”.

² Из двух углов той же комнаты.

³ Поражало (фр.).

⁴ Немецкий перевод (*Briefwechsel zwischen zwei Zimmerwinken*) был опубликован в ж. “Die Kreatur” (1. II. 1926).

⁵ Стихотворение Гете. Иванов ссылается на него в 3-ем письме “Переписки”. В итальянском издании приводится сноска с цитатой.

⁶ Как аванс (ит.).

⁷ На чай, предложить дополнительную оплату (ит.). Это последнее письмо Иванова, в котором упоминается *Переписка*. В письме от 4 марта 1932 Синьорелли пишет: “Только что вернулась из Берлина и вижу, что *bozze* от Карабба пролежали тут почти месяц. Нашла тоже письмо от Карабба, где он спрашивается о причинах задержки и просит спешить, чтобы опять не продлить на год появление книги”.

14. В. И. Иванов – О. И. Синьорелли
20 сентября 1932 г., Ассунта суль Ренон.

L'Assunta sul Renon
25, casa Fallinger sopra Bolzano
20. IX. 32

Дорогая Ольга Ивановна,

Горячо благодарю Вас за доброе участие в деле Лидии с Gui и за Ваше письмо со с приложенной копией ответа Gui на Ваше обращение к нему по поводу Лидии. Этот ответ мне очень понравился своим хорошим, серьезным тоном, и больше нечего желать, если он даже любезно обещает рассмотреть Лидину партитуру в первую очередь. Ваша дружеская поддержка оказалась, следовательно, очень действенной.

Итак, мы надеемся видеть Вас в скором времени на нашей милой деревенской даче?¹ Вот будет радость!

Фламинго прилетела в этот отъезд Лидии в Рим. Дима пробудет здесь до 2 или 3 октября. Он Вас горячо приветствует.

Сердечно преданный и благодарный Вам
Вячеслав Иванов.

Росса² с женой – очень милые люди, были у нас, и мы подружились.

Благодарю Вас за *Legenda Aurea*,³ которую по моей просьбе выдали О<льге> А<лександровн>е из моей комнаты в Collegio. Cari saluti a Maria.⁴

¹ Имеется в виду Альбано – Иванова, с. 231.

² В письме от 30 августа Синьорелли писала: “Дорогой Вячеслав Иванович, Вам напишет и к Вам попросит заехать наш друг Giovanni Росса. Примите его, послушайте его, помогите ему духовно и душевно”. Других сведений о Рокка не найдено.

³ “Золотая легенда”, сборник житий святых, составленный итальянским епископом Якопо да Вараджине в XIII веке. Книга была переведена на все западноевропейские языки.

⁴ Большой привет Марии (ит.).

15. В. И. Иванов – О. И. Синьорелли
24 мая 1933 г., Павия.

Pavia, Collegio Borgomeo
24 мая 1933

Дорогая Ольга Ивановна,

Пока Вы еще во Флоренции, спешу уведомить Вас, что мне вовсе не по душе видеть мою статью напечатанной в "Cultura".¹ Что касается "Pegaso",² я был бы очень рад, если бы она появилась на его страницах.³ Но так как она, мне кажется, не вполне соответствует его направлению, я предполагаю, что редакция, взяв статью для прочтения, или отвергнет ее по простетвию некоторого, быть может, значительного времени, или будет тянуть дело, отговариваясь изобилием материала. Все это мне не нравится, почему я и просил Вас в S. Remo показать ее Папини⁴ и услышать немедленно его совет и решение. Если Вам не удалось это сделать и если в "Pegaso" не дали тотчас утвердительного ответа, а просили ждать, – другими словами, если там не были ей рады, – я прошу Вас немедленно передать ее в мой "Frontespizio",⁵ будь то через Папини, или же прямо в руки Piero Bargellini,⁶ с которым Вам хорошо было бы познакомиться.

Очень надеюсь увидеться с Вами через немного дней в Павии. Скажите Марии всю мою любовь и поздравления с серьезным и важным успехом во Флоренции. Передайте пожалуйста мою дружескую память и глубокий сердечный привет г<оспо>же Нальди.⁷ Если увидите Папини, скажите ему, как я его люблю, как восхищен его новой книгой (о Данте),⁸ поздравьте его от меня с почестями, которые ожидают его через четыре дня, – и что я сам ему пишу.

Не обманите наших – т. е. моих и Фламинго – надежд и навестите нас в Павии. Желаю Вам доброго здоровья и всего светлого.

Преданный Вам всецело

Вячеслав Иванов.

Фламинго очень просит Вас известить ее телеграммой о дне и приблизительном часе Вашего приезда, как только Вы сами будете это знать, для соответствующего распределения ее времени и прочих мероприятий, причем нежно Вас и Марию обнимает.

¹ Литературный журнал, издаваемый в Риме с 1882. Речь идет о статье В. И. Иванова *Il mito di Edipo* (“Миф об Эдипе”), опубликованной в ж. “*Il Frontespizio*”, VIII, 1933. Нам неизвестны точные причины, по которым Иванов не желал печататься в “*Cultura*”, с начала 20-ых годов выходившего под редакцией К. де Лоллиса. Быть может, Иванову было не по душе первоначальное нео-идеалистическое направление журнала (в начале века в нем участвовали В. Стосе e G. Gentile) или, наоборот, поворот к позитивизму, который произошел в последнее десятилетие.

² Ежемесячный литературный журнал (1929-33), основанный Ugo Ojetti. Печатался во Флоренции.

³ Письмо является ответом на послание О. Синьорелли к О. Шор от 15 мая, в котором говорится: “Доклад Вяч<слава> Ивановича остался во Флоренции у госпожи Нальди, которая, перед тем, как уступить бесплатно “*Frontespizio*”, хотела похлопотать у “*Pegaso*” и у “*Cultura*”, которая выходит в Милане. Надеюсь, что когда вернусь во Флоренцию, все будет уяснено, и если ничего не вышло, то передам в “*Frontespizio*”, где очень рады напечатать”.

⁴ Известный критик и романист Giovanni Papini (1881-1956) был близким другом Ольги и Анджело Синьорелли (см. *Carteggio Papini – Signorelli*, Milano 1979).

⁵ Флорентийский журнал (1929-38), под ред. Piero Bargellini, при ближайшем участии G. Papini. Об участии В. И. Иванова в этом журнале, см.: Л. Иванова. Воспоминания, с. 181.

⁶ Piero Bargellini (1897-1980) писатель, гл. ред. ж. “*Il Frontespizio*”, писал также для ж. “*Vita e pensiero*”.

⁷ Raissa Olkienickaja Naldi, переводчица.

⁸ Имеется в виду кн. *Dante vivo*, 1933.

16. В. И. Иванов – О. И. Синьорелли
21 июня 1933 г., Павия.

Almo Collegio Borromeo Pavia
21 июня 1933

Дорогая Ольга Ивановна,

Как жаль, что не пришлось увидеться с Вами до Вашего возвращения в San Remo! Где же Мария? Итак, выставка в Милане отложена?

Il duca G. S.¹ был у меня в тот день, когда, судя по Вашему письму из Флоренции, он рассчитывал застать Вас в Павии. Я предполагал, по его приглашению, завтракать или обедать у него с Вами в тот день, когда я приехал бы в Милан на выставку Марии.

Благодарю Вас за Вашу заботу о моей статье, о которой уже писал мне Piero Bargellini; она появится в “*Frontespizio*”.

Herbert Steiner настоятельно просил мне сообщить ему Ваш адрес, но я не знал, где Вы. Откликнитесь на его зовы по адресу: Herr Dr. Herbert Steiner, c/o Fr. Würtenberger, Dr. Fünk-Gang, Schloss Schönbrun, Wien, XIII, Austria.²

В настоящее время хлопоты Лидии о *cittadinanza italiana* в такой стадии, что влиятельная рекомендация неотложно нужна, даже необходима. И она просит Вас не отказать ей в Вашей доброй помощи и написать о ней Вашему другу, губернатору о<строва> Родос.³ (Arpinati⁴ ушел). Я со своей стороны поддерживаю перед Вами, наш бесценный друг, ее просьбу.

Спаини⁵ пишу одновременно: он бесконечно добр. Кланяйтесь от меня сердечно Cavicchioli,⁶ которому вскоре напишу много.

Желаю Вам доброго здоровья, душевной светлости и плодотворной работы над Вашей нетерпеливо мною ожидаемой книгой. Ваш всем сердцем Вячеслав Иванов.

О какой “*Antologia dei poeti russi*”, ed. Treves,⁷ пишет мне Спаини? Может быть, это второе издание книжки Нальди?

¹ Можно предположить, что речь идет о герцоге Tommaso Gallarati Scotti (1878-1966), литераторе и дипломате.

² Herbert Steiner (1892-1966), журналист, литературный критик.

³ Mario Lago.

⁴ Leandro Arpinati (1892-1945), деятель фашистской партии.

⁵ Marco Spaini, директор казино в Сан-Ремо, антропософ. Ср. Приложение 2.

⁶ Giovanni Cavicchioli (1894-1964), поэт, романист, литературный критик, антропософ.

⁷ Имеется в виду *Antologia dei Poeti Russi del 20° secolo*, Milano 1924, перевод Нальди. В письме к Иванову от 18 июня 1933 г. М. Спаини писал: “Ho letto nella ‘Antologia dei Poeti Russi’ di Treves alcune sue bellissime pagine” (РАИ).

17. В. И. Иванов – О. И. Синьорелли

7 июля 1936 г., Рим.

7 июля 1936
via Monte Tarpeo 61
(в этом доме жила Дузе)

Дорогая Ольга Ивановна,

Вы знаете мою неспособность к исправной переписке, и потому не сердитесь на меня слишком, и не приписывайте мое молчание невернос-

ти.¹ Благодарю Вас за дружеское участие и поздравление.² Благодарю Вас также за Лидию и от ее имени. Да, она чувствует себя осиротелой по смерти Респиги, а писать для Сан Ремо (к чему я всегда ее убеждал) препятствует ей приготовление к конкурсу: через неделю она должна будет держать экзамены. Спешу ответить на оба Ваши сегодняшние письма. Постоянный адрес Димы: villa Obéron, traverse Malakoff, Aix-en-Provence (département des Bouches du Rhône). Там живет Madame Eléonore Rosé с семьей, где он чувствует себя как у родных. Письма, адресованные ему par les bons soins de Madame Rosé, будут тотчас ему пересланы, и – прибавлю – я уверен в самом милом приеме, если бы Вы заглянули в villa Obéron. Но сам Дима вот уже второй месяц проводит учителем в Château St. Antonin, chez M. Maurin de Carnac (par Aix-en-Provence) – в 12 километрах от Экс. Ему можно писать и через Madame Rosé, и через M. Maurin de Carnac. Вскоре, а именно после 15 июня, он думает ехать в Швейцарию (может быть, даже заедет по дороге к нам со своей карточкой журналиста), но его планы еще очень неопределенны. Разумеется, он был бы счастлив увидеться с Вами (спишитесь с ним) и по делу Zanfragnini.³ Вам было бы полезно с ним увидеться, полезнее чем говорить со мной, потому что о школах я не могу дать Вам никакого определенного совета. По нашему опыту могу сказать, что классический лицей при бенедиктинском аббатстве в Энгельберге прекрасное учреждение, где учат дельно и толково, без педантизма, принимая во внимание личные особенности учеников и не относясь к ним бюрократически, как это часто наблюдается в итальянских лицеях, воспитывают же в строго религиозном духе, но без фанатизма и духовного гнета. Отношение к воспитанникам у бенедиктинцев – отечески участливое. Впрочем, Дима был проходящим, он не жил в интернате, потому что условия жизни в интернате ему были в тот период еще продолжающегося лечения немного суровы. Климат горный (выше 1000 метров), глетчеры спускаются к самому Энгельбергу, большая красота высокой горной долины. Преподавание по-немецки. Кроме Энгельберга есть еще, говорят, хорошие collèges (с программой лицей), католические и некатолические во Freiburg, где легко получить и дипломы: бакалавреат французский, годный, по-видимому (как и энгельбергский) и для Италии. Но Дима, разумеется, описал бы все это точнее. Есть на свете очень хорошие школы, обычно в руках католических орденов, – признаваемых за прекрасные воспитательные заведения и не-католиками; но я о них ничего не знаю. Если упомянете обо мне в письмах к Zanfragnini, передайте ему мое почтение и сердечный привет. С нетерпением жду нашего свидания. Обнимаю сердечно нашего друга Spainì.

Дружески преданный Вам

Вячеслав Иванов.

Мукерман <?>⁴ кажется, еще в Риме. В свое время я говорил ему, что Вы хотели переводить что-то из его сочинений (но что именно?)

Лидия и Фламинго Вас нежно целуют. С Фрейбургом Фламинго имеет косвенные отношения и, если это Вас интересует, может навести справки.

¹ Иванов отвечает на три письма Синьорелли от 11 мая, 5 и 6 июля 1936. В письме от 5 июля Синьорелли писала: “Знаю, что Вы и все Ваши меня забыли, хотя Штейнер мне писал, что часто вспоминали меня. Но сведем счеты, когда вернусь, и вернусь я около 20 июля”.

² В письме от 11 мая Синьорелли поздравила Иванова с “премией Академии”.

³ Pietro Zanfragnini, знакомый Синьорелли. Упоминается в ее письме Иванову от 6 июля: “Zanfragnini – философ, который ищет Бога, но он мне кажется типичным человеком прошлого века. Очень хорошо уже то, что он хочет дать духовное направление своим сыновьям. Их двое. Я ему писала, что посоветуюсь с Вами, но видно, что он что-то торопится решить”.

⁴ Лицо неустановленное.

18. В. И. Иванов – О. И. Синьорелли
9 марта 1948 г., Рим.

Рим, 9 марта 1948

Дорогая Ольга Ивановна,

Верный друг, Вы всегда союзница благоприятных мне созвездий. Я не дивлюсь Вашему участию в милом заговоре нескольких друзей – поймать на радость мне солнечный луч в лице этого пленительного античного Сатирика из виноградников Диониса, – но глубоко тронут Вашим присутствием в числе великодушных и щедрых моих сочувственников и от всего сердца Вам благодарен.

Ваш Вячеслав Иванов.

А через несколько дней я открыл, что это не Сатирик, а один из юных спутников и отражений Диониса, отрок Ampelos (т. е. “виноград” и “виноградник”). Он не только увенчан виноградом, но и сам олицетворение винограда. Он, как и все другие, “герои-ипостаси” Диониса, тождествен с ним (сам Дионис – виноград) и потому разделяет его страстную (мученическую) участь, и именно он умерщвлен быком (бык – сам Дионис!). В Дионисовой религии жрец и жертва – одно: и жрец, и жертва сам Дионис.

В<ячеслав> И<ванов>.

В. И. Иванов – О. И. Синьорелли
Без даты

Рим. Понедельник.

Дорогая Ольга Ивановна,

Из-за болезни Лидии, которая сегодня целый день в постели, приходится изменить план. Буду у Вас после 5 ч. и мы пойдем с Вами к Сибилле,¹ не правда ли? В другой день Вы придете с ней к нам.

Дружески Ваш

Вяч. Иванов.

¹ Sibilla Aleramo (наст. имя: Rina Faccio, 1876-1960). Синьорелли дружила с писательницей с 10-ых годов и можно предположить, что знакомство Иванова с Алерамо произошло благодаря Синьорелли. Об отношениях русского поэта и Алерамо см. РИА I, с. 543-547.

В. И. Иванов – О. И. Синьорелли
Без даты

Вторник.

Дорогая Ольга Ивановна,

Я чрезвычайно тронут истинно дружеской памятью о нас с Вами нашего милого, милого Кавикьоли и восхищен необычайностью всего происшествия, которое, в самом деле, переносит нас во времена Манцони. Во всем этом много поэзии, и – в довершении всего – Ваша записка к Фламинго, повествующая о почти невероятном приключении, вылилась у Вас, сама собою, очаровательно, – с классическим изяществом. Grazie!¹

Ваш

Вяч. Иванов.

¹О чем идет речь, выяснить не удалось.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Переписка О. А. Шор – О. И. Синьорелли

1. О. А. Шор – О. И. Синьорелли
7 февраля 1927 г., Берлин.

7 февраля 1927

Глубокоуважаемая Ольга Ивановна,
пишу Вам по поручению Мейерхольда, обеспокоенного Вашим молчанием в ответ на его просьбу о Вашей рукописи.¹

Зинаида Ник<олаевна> надеется, что письма ее до Вас дошли и Вы уже знаете, что издательство Мейерхольда стало исключительно театральным и Ваши “Воспоминания о Дузе” Всево<олод> Эм<ильевич> хочет как можно скорее печатать.

Остановка только за Вами. Если Вам удобно, чтобы книга Ваша в ближайшем будущем появилась, благоволите немедленно направить ее в Москву. Театр Мейерхольда собирается в Европу: рукописи не следует запаздывать; иначе дело может затянуться. Во всяком случае, каковы бы ни были Ваши желания и решения, пожалуйста, напишите Зинаиде Николаевне письмо. Она его очень ждет.

К просьбе Мейерхольда решаюсь прибавить совсем на нее не похожую просьбу, лично свою: мне необходимо для окончания научной работы о Микель-Анджело побывать в Италии. Что я еду именно с этой целью, может подтвердить Вячеслав Иванов, которому я имела честь и радость свою работу еще в Москве частично прочитать.

Я Вам незнакома, но я так много от друзей своих слышала о Вашем живом интересе к научным и художественным начинаниям и о доме Вашем как о месте встреч всех людей, так или иначе причастных артистическому или ученому миру, что решаюсь обратиться именно к Вам.

Дело мое обстоит следующим образом: 28 или 29 января на основании моей академической командировки русское полпредство в Берлине послало просьбу о визе в итальянское представительство. К ноте приложена копия моего мандата, данного мне Академией Художественных Наук. К Вам и мужу Вашему большая просьба – двинуть мое прошение в Министерство. Все наши с Вами общие друзья могут подтвердить Вам, что я человек – совершенно аполитический и доверия Вашего никогда не обману.

Простите меня за беспокойство. Мейерхольды просили передать Вам и супругу Вашему сердечный привет, к которому я <нрзб.> присоединяю свой.

Готовая к услугам.

О. Шор.

¹ Речь идет о предложении издать биографию Дузе в издательстве при Театре им. Мейерхольда, которую Мейерхольд заказал Синьорелли, близкой подруге великой актрисы. Подробнее см. Вяч. Иванов в переписке с В. Э. Мейерхольдом и З. Н. Райх (1925-26), публ. Н. В. Котрелева и Ф. Мальковати // НЛО, 10, 1994, с. 278-280. Письмо опубликовано нами в кн. *Una Russa a Roma*, Milano 1990. Проект не был осуществлен: биография Дузе на русском языке появилась только в 1975.

2. О. А. Шор – О. И. Синьорелли
20 февраля 1930 г., Павия.

Павия, 20 февраля 1930

Дорогая Ольга Ивановна,

простите, что отвечаю с некоторым промедлением. Случилось оно оттого, что все 7 дней, прошедшие со времени получения Вашего письма, я, во исполнение желания Вашего, неустанно работала над своим “Предисловием”, стараясь урезать его больше чем наполовину. Ведь я лишь теперь впервые услышала, что мне отпускается всего 30 стр. Посылаю Вам, родная, одновременно с этим письмом заказной бандеролью самую трудную и далее несократимую (иначе все станет голословным, сухим и непонятным) часть рукописи. Очень хотелось бы знать Ваше мнение о ней. <...> Откровенно говоря, мне думается, что и 30 стр. вступления – слишком громоздкая подставка для такой маленькой, изящной статуэтки как “Переписка”. Тут и 10 стр. больше чем достаточно. Обсуждали мы этот вопрос с Вячеславом Ивановичем, он предлагает остроумный и за-

манчивый выход: дело в том, что издательски вообще нескладно выпускать брошюрку с тяжеловесным вступлением, (а без него “Переписка” во многих отношениях будет непонятна, и появление ее у Карабба не совсем оправдано). Не лучше ли скомпоновать небольшую интересную книжку, где бы обе, в “Переписке” представленные, противоположные, характерные для современности вообще, да еще *по-русски* парадоксально акцентированные, точки зрения получили полное выражение? Сделать это очень легко. Сама по себе Переписка ставит много, нас волнующих, вопросов, но в ней миросозерцания авторов лишь намечены. Если б к ней прибавить небольшую статью Вячеслава Ивановича “Кризис гуманизма” (статья года 3 тому назад переведена на немецкий язык и уже успела стать как в России, так и в Германии, библиографической редкостью)¹ и несколько острых и художественно написанных афоризмов Гершензона² (и “Кризис” и “Афоризмы” обсуждают те же, что и “Переписка”, вопросы и родились в том же 1920 году), то получилась бы книжка страниц в 120-130, пикантная, парадоксальная и в то же время глубокомысленная, то, что немцы называют *anregend*.³

В начале надо было бы поместить крохотное, лишь исторически ориентирующее предисловие странички в 3-4, а в конце книги в виде Appendix мелким шрифтом (ведь примечания-то Карабба печатает все же петитом?) прибавить статью о думах и судьбах обоих авторов.⁴ Напечатанная в конце книги в виде приложения, своего рода эпилогоменов, такая статья вполне уместна, совсем не навязчива, не претенциозна и никого своей обстоятельностью не смутит, тогда как предисловие, размерами своими почти что превышающее текст – нескромно: так ведь издаются лишь классически. Хорошо было бы для всей книги сохранить имевшее успех заглавие “Переписка из двух углов”, а других вещей отдельно не переименовывать. Примерно так:

Venceslao Ivanov e M. Gersenson
Corrispondenza fra due angoli di una camera
ed altri saggi
 trad. Olga Signorelli

Что Вы об этом думаете, родная? Мне этот план очень нравится. В “Кр<ушении> гум<анизма>” и “Афор<измах>” делаются крайние выводы, что придает и самой “Переписке” особую остроту. Если Вы принципиально согласны с нашим проектом, то черкните мне словечко, и я Вам незамедлительно пришлю весь, Вам нужный, материал. <...>

Сердечный привет вам всем. Целую Вас крепко.

Ваша Ольга Шор.

¹ Статья “Кручи. О кризисе гуманизма” вышла в немецком переводе в Берлине в 1921 г., ср. Вахтель 1995, по указателю.

² Имеется в виду “Солнце над мглою” – “Записки мечтателей”, 5, 1922.

³ Увлекательная, стимулирующая (нем.).

⁴ В окончательном варианте эта часть была опубликована в начале, после короткого вступления.

З. О. И. Синьорелли – О. А. Шор
6 марта 1930 г., Рим.¹

Рим, 6-го марта

Дорогая Ольга Александровна,

простите, что не написала Вам сейчас же по получении Вашей рукописи, но хотела сначала поговорить с Карабба, хотя была заранее уверена, что с ним ничего не выйдет из предложения В<ячеслава> Ивановича. Он мне сказал, что он может печатать не иначе, как по типу книжек серии “Cultura dell’Anima”, в размере от 130-150 стр., и что оставляет мне “сколько угодно места” для предисловия. Если эта книжка будет иметь успех, он не прочь печатать другой томик со статьями, которые Вы предлагаете в Вашем письме. Что касается писем, они уже набраны, и я ему обещала предисловие к концу этой недели, но несмотря на то, что сижу над переводом с утра до вечера, и добрый Don Giuseppe De Luca² мне помогает, когда может, я пока на 25-ой странице. Некоторые места для меня непереводимы, и посылаю их Вам, чтобы Вы мне помогли, чтобы попросили В<ячеслава> И<вановича> Вам помочь их перевести. Карабба говорит, что он больше года ждет предисловия и если не получит вовремя, обязан печатать без предисловия, так как книжка уже занесена в каталоге. Помогите, родная, и пришлите мне сейчас перевод, или несколько строк очень простой биографии для разъяснения писем, и эту статью можно будет перевести comodamente³ к осени и напечатать с другими статьями, предложенными В<ячеславом> Ивановичем. Для размера предисловия в этой статье пришлось бы сократить цитированные поэзии, т. е. пришлось бы довольствоваться цитатами и отбросить длинные примечания.⁴ <...> Целую Вас. Ольга.

¹ Датируется по содержанию.

² De Luca Giuseppe (1898-1962). Священник, писатель, журналист, сотрудничал в журналах “Frontespizio” и “Vita e Pensiero”.

³ Спокойно (ит.).

⁴ Из длинных примечаний в окончательной редакции остались два – о предыдущих изданиях *Переписки* и цитата на фр. языке из рецензии Gabriel Marcel в “Nouvelle Revue Française”. Итальянское издание открывалось очень коротким предисловием об истории *Переписки*, дальше следовали две небольшие статьи о жизни и творчестве Иванова и Гершензона (за подписью O. Deschartes) и библиографическая справка о двух авторах.

4. О. А. Шор – О. И. Синьорелли
8 марта 1930 г., Павия.

Павия, 8 марта 1930

Дорогая Ольга Ивановна,

сейчас получила письмо Ваше и спешу ответить полным согласием на все Ваши предложения:

1) Лишь только придут недопереведенные Вами странички, я их при помощи Вяч<еслава> Ив<анови>ча срочно переведу и пришлю Вам espresso. <...>

2) Конечно, родная, все стихи кроме первого и последнего (4 строчки) можно опустить.¹ Примечания в сущности вообще не относятся прямо к Вяч<еславу> Ив<анови>чу, а скорее представляют собой справки о России, облегчающие (и значит, психологически ускоряющие) для итальянского читателя усвоение статьи. Но, т<ак> к<ак> нас интересуют не психологические, а типографические размеры, то можно выкинуть и их. Оставить мне хотелось бы лишь заключительные строки о русской Пасхе;² иначе почти вся 7-ая глава будет понятна лишь русским, для которых она не предназначается.

3) Мне ужасно грустно, что невольно я заставляю Вас много и утомительно работать. Но раз уж Вы сделали большую и самую трудную часть работы, то теперь именно после стольких хлопот и усилий, обидно было бы все бросить и ограничиться каким-то пустым (чисто справочного характера) поверхностным и кратким предисловием, кот<орое> я, конечно, (если б оно все же понадобилось) могу Вам по требованию Вашему всегда прислать обратной почтой.

4) Когда я подсчитала количество страниц, то увидела, что оно в сущности не превышает караббовской меры. Гершензон в два раза короче и несравненно легче Вяч<еслава> И<вановича>. Наоборот, если Карабба нам отпускает 130-150 стр., то мы даже и этого количества стр. еще далеко не использовали. Трудность не в этом: самый текст писем в

сравнении с предисловием мал; и как Вам кажется, родная, нет в этом литературной некорректности? Но решение этого вопроса предоставляю всецело, конечно, Вашему писательскому такту. Мне бы, и самому В<ячеславу> И<вановичу>, очень бы хотелось прибавить хотя бы статью В<ячеслава> И<вановича> о “Кризисе гуманизма”. Она всего займет 20-25 стр., а мыслями богата чрезвычайно. Включение ее оправдывает вступительную статью и в отношении ее общих размеров, и в отношении ее пропорционального распределения между обеими авторами переписки. Тогда получится: 50 стр. – *Переписка*; 25 стр. – “Кризис гуманизма” и 55-60 стр. – “Предисловие” (из которого приблизительно 40 стр. посвящены В<ячеславу> И<вановичу>, и 20 Г<ершензо>ну. Значит, чистого текста наберется стр. 135, и с разделами – maximum 145-150. Мне представляется почти невероятным, чтобы Карабба, если ему дать в руки весь материал, отказался бы от “Кризиса гуманизма”. Ну, Вам, дорогая, конечно виднее, как лучше поступить.

5) Практически: посылаю Вам “Кризис гуманизма.” Текст – немецкий, и быть может, Мария и Вера³ могли бы его для Вас перевести так, чтобы Вам пришлось лишь редактировать. Тогда это не задержит выпуска “Переписки”.⁴

6) В<ячеслав> И<ванович> обещает Вам, если бы Вы прислали машинопись Вашего перевода, сделать самолично сокращения своих цитат. Быть может, родная, Вы нашли бы возможным немедленно прислать уже переведенные Вами страницы. Мы их Вам вернем espresso на следующий же день.

7) Вообще, дорогая, если мы Вам можем быть как-нибудь полезны для ускорения работы, располагайте нами свободно.

8) Как Вы думаете, когда реально последний срок Карабба?

Бегу на почту. Вяч<еслав> Ив<анович> и Лидия Вас душевно приветствуют.

Сердечный привет всем Вашим.

Крепко и нежно Вас обнимаю и целую.

Ваша Ольга.

¹ В статье о В. Иванове остался только стихотворный эпиграф из “Чистилища” (VIII, 19).

² В окончательную редакцию они не вошли.

³ Дочери О. Синьорелли.

⁴ В письме от 8 марта Синьорелли пишет, что советовалась с Де Лука о таком предложении, и что тот, учитывая невежество издателя, предлагает ограничиться “легким иллюстрирующим предисловием” и искать более подходящее издательство для “Кризиса гуманизма” и полного предисловия О. Шор.

В письме из Павии от 28 августа О. Шор сообщает: “Вчера, наконец-то, отослала я Вам, дорогая Ольга Ивановна, предисловие”. В этом же письме О. Шор сообщает корреспонденту о своем нежелании печатать предисловие под настоящим именем, и о том, что ее псевдоним будет или О. Ф. или Rhodopteros.

5. О. А. Шор – О. И. Синьорелли
12 февраля 1932 г.

12 февраля 1932

Дорогая Ольга Ивановна,

время так летит, что не успела я оглянуться, как прошли почти 2 недели со дня отправки Вашего письма, и теперь приходится спешить, чтобы поймать Вас еще в Берлине. <...> Поэтому перехожу прямо к делу: Вяч<еслав> Ив<анович> вместе с сердечнейшими приветами Вам и Марии просит передать следующее:

1) От Carabba ничего пока нет. Будьте добры написать ему, чтобы он прислал Вяч<еслав>у Ив<анович>у корректуры, на которых Вы уполномочиваете Вяч<еслав>а Ив<анович>а поставить *imprimatur*.

2) Заглавие, согласно Вашему желанию, Вяч<еслав> Ив<анович> предлагает изобразить следующим образом:

Corrispondenza da un angolo all' altro
tradotta dal russo in collaborazione con V. Ivanov da Olga Resnevic Signorelli

или, если Вам больше нравится, просто

*tradotta a cura di Olga Resnevic Signorelli e V. Ivanov.*¹

3) Что касается стиля – то Вяч<еслав> Ив<анович> действительно testardo.² “П” перед Goethe и Nietzsche он ни за что вычеркивать не соглашается. Он говорит, что такое *незнание итальянского языка или провинциализм* он разделяет с одним (напр.) из лучших *современных* итальянских стилистов – с Ugo Ojetti,³ статью которого отнюдь не устарелую, ибо написанную 31.1.1932, он передал мне для пересылки Вам. Если же какие-нибудь ультра-футуристы считают такой стиль полным *непростительных ошибок*, то ему, т.е. Вяч<еслав>у Ив<анович>у, это не указ. <...> Вас крепко целую. Ваша Ольга.

¹ Traduzione dal russo di Olga Resnevic riveduta da Venceslao Ivanov.

² Упрямец (ит.).

³ Ugo Ojetti (1871-1946), писатель и журналист.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

Из воспоминаний О. И. Синьорелли о Вяч. Иванове

Как-то поздней осенью 1924 года ко мне пришел Муратов. Лицо его выражало необыкновенную радость. “Я пришел сообщить новость, которая несомненно Вас обрадует”, – сказал он. – “Несколько дней тому назад в Рим приехал поэт Вячеслав Иванов и сказал мне, что будет рад нанести Вам визит. Если Вам будет приятно его посещение, давайте договоримся, когда я мог бы привести его к Вам”. На следующий день в назначенный час зазвонил звонок, оповещая о приходе двух гостей. И вот Иванов передо мной в моем кабинете. “Слегка согбен, не стар, не молод, Весь – излученье тайных сил”, – вспомнились мне строки стихотворения Блока, посвященного Иванову в 1912 году, когда тот покидал Петербург. Слегка согбен – да, но тонкие черты красноватого лица, на котором не было и следов пережитых страданий последних тяжелых лет, острый, прозорливый взгляд ясных голубых глаз, как бы увеличенных стеклами в золотой оправе, – все это оставляло впечатление молоджавости и душевного спокойствия. некогда светлые с золотистым отливом волосы, теперь уже совершенно белые, спускались до плеч и придавали его облику величие человека, прошедшего сквозь жизненные испытания, но не потерявшего себя. Одетый в темное, обладавший той элегантностью и учтивостью, которые теперь уже не встречаются, Иванов покорял с первого же мгновения.

Об Иванове писали, что душа его – трехструнная лира, которая звучит поэзией, религией и философией. В ту первую встречу у меня была возможность узнать, каким удивительным образом владел он своей лирой, завораживая всех, кто к нему приближался. За чаепитием мы проговорили до позднего вечера; то есть говорили мы вдвоем: Иванов задавал вопросы, я отвечала, Муратов сидел рядом и молчал. Изредка Иванов сопровождал свою речь легким движением белой руки с длинными тонкими пальцами. И вот тогда я заметила красные и зеленые переливы белого опала его перстня на мизинце правой руки. В дальнейшем я лучше узнала этот опал и научилась, в зависимости от излучаемого им оттенка, угады-

вать расположение ивановского духа. <...> Он расспрашивал меня о том, что я читаю, кто ближе мне – Платон или Плотин, кто мои любимые поэты. <...> Ответы изгладились из моей памяти, помню только, что когда наступил вечер, я была околдована, мое обычное стремление защитить душу от чужих вторжений было побеждено, и поэт, с большим тактом, заставил меня раскрыться. Магическое его очарование исходило от умения слушать, какого я не встречала у других, от его простоты и деликатности, от строгой убедительности рассуждений.

Когда гости ушли, я вдруг поняла, что мы вовсе не говорили о нем самом, о его намерениях, о возможности как-то устроить его жизнь. Он приехал с решением обосноваться в Италии вместе с двумя детьми: дочерью Лидией, закончившей московскую консерваторию, и сыном Дмитрием <...>. В настоящее время Лидия преподает в римской академии Санта Чечилия, а Дмитрий – поэт очень тонкого восприятия и прекрасный журналист, пишущий под именем Jean Neuvacelle. Тогда же они потеряли все, что имели: чтобы жить, приходилось начинать все с начала. Поэтому нужно было найти способ оказать им помощь.

Я отправилась к ним на улицу Quattro Fontane: они занимали две комнаты в квартире вдовы скромного чиновника. Одна из комнат была еще заставлена громоздкой мебелью, на которой под стеклянным колпаком стояли мраморные фрукты и другие безвкусные безделушки, бывшие тогда в моде в подобных домах. В другой комнате заметны были следы присутствия новых жильцов: здесь стояли диван-кровать, стол, на котором лежало несколько книг, листы бумаги, карандаши и две фотографии; у стены стояло пианино, висело несколько гравюр; все это придавало скромной обстановке особое достоинство.¹ Я набралась смелости и спросила Иванова, как он думает устроить свою жизнь. Он ответил, что не собирается выдавать себя за эмигранта: следовательно, не может рассчитывать на пособие, выдаваемое беженцам. Он хотел работать, надеялся найти место и зарабатывать себе на жизнь, как это было до сих пор. Хорошо бы найти возможность организовать публичную лекцию. Возможно, что-нибудь о латинской поэзии. Случай представился скорее, чем я могла надеяться, более того, учитывая особые обстоятельства Иванова, ему выплатили небольшой гонорар. К сожалению, не помню ни темы выступления, ни названия того большого зала, где оно проходило. Помню только, что лекция эта вызвала живой интерес: публика была очарована его итальянским языком, несколько книжным и отзывавшимся, по мнению присутствовавших, временами Данте, но настолько безукоризненным, настолько музыкальным, что он пленял против воли. Вопреки обыкновению, пресса уделила большое внимание этому знаменательному событию. Репортаж был опубликован также в венской газете, где его про-

чел мэра Павии, с которым Иванов учился в Берлине. “Иванов в Италии, и никто из вас не думает воспользоваться его необыкновенной культурой?” – написал он кому-то. Вследствие этого дон Леопольдо Рибольди, благороднейший и образованнейший гуманист, тогдашний ректор павийского Колледжо Борромео, обратился к Иванову с письмом, предлагая ему место в Колледжо. Таким образом Иванов переехал в Павию. Он прожил в Колледжо с 1926 по 1936 год <так!>, и в знак благодарности за гостеприимство преподавал студентам иностранные языки: русский, немецкий и английский.

Перед тем, как уехать из Рима, Иванов сказал, что хочет составить завещание: он попросил меня быть одним из свидетелей и найти еще трех среди моих друзей. В назначенный час мы отправились к нотариусу. Мои итальянские друзья добродушно иронизировали над человеком, который думает о завещании, но наследство которого в этот момент реально равняется нулю: оно состояло из возможного переиздания его утраченных произведений и надежды на создание новых. Уточнив некоторые пункты, нотариус перешел к чтению завещания: Иванов, серьезный и значительный, встал, мы тоже поднялись вслед за ним. Потом один из свидетелей предложил отпраздновать это событие. Мы спустились в кафе Араньо, находившееся внизу, расположились в большом зале и наш друг заказал пунш. Когда официант нес на серебряном подносе через весь зал пять горящих серебряных кубков, многочисленные посетители с удивлением обращившись ему вслед. Теперь, когда произведения Иванова издаются в Америке, я вновь думаю об его мудрой предусмотрительности и о том красно-голубом пламени, как о символе вечности творений духа.

<...> Прожив в Павии в Колледжо Борромео десять лет (1925 – 1936 <так!>), Иванов переехал в Рим. Пока он жил в Павии, наши отношения ограничивались моими краткими визитами и несколькими письмами, особенно в тот период, когда я переводила “Переписку из двух углов”. Мы виделись в Сан Ремо, где по инициативе поэта Пастонки² прошел ряд литературных и научных конференций. После Поля Валери и Уго Ойетти, директор казино Марко Спаини настоял, чтобы Иванова пригласили прочитать лекцию о русском символизме.³

<...> В 1928 году у меня был тоскливый безрадостный период. Бывает, что в такие моменты подвергать себя опасности дает ощущение своего рода душевного подъема. Я обещала своим родственникам навестить их и полетела на аэроплане, что по тем временам все еще считалось доказательством храбрости. Я написала Иванову о высоком искушении полета, где, отрешаясь от всего земного, можно созерцать брэнность и людских жилищ, и так называемых “вечных творений” и откуда вечной кажется только увядающая и вновь возрождающаяся природа.⁴

<...> В Риме Иванову посчастливилось найти небольшую квартирку, которая с улицы Рупе Тарпеа (нынче не существующей), за Капитолием, смотрела на Форум. Он поселился там с детьми, а также другом семьи и сотрудницей, приехавшей из России изучать Микеланджело. Сколько раз, приходя на закате солнца, я заставляла его сидящим на балконе и созерцающим античные развалины.

По утрам он работал, но по вечерам дом его был открыт для гостей. У него встречались такие знаменитости, как Мартин Бубер, Мережковский, Людвиг Курциус. Но и молодых он принимал с удовольствием. Одним из его постоянных посетителей был молодой немецкий поэт Бернт фон Хайзелер, сын Хенри фон Хайзелера, известного переводчика русской поэзии. Иванов охотно и очень внимательно читал сочинения молодых: он подробно обсуждал их с авторами, делая тонкий анализ написанного.

На скольких беседах, проходивших в скромной столовой, за старым круглым столом, при свете старинной люстры, мне довелось присутствовать. Всегда подавали чай – ритуальный знак русского гостеприимства, – и когда во время войны неожиданно звучала тревога, приходилось, несмотря ни на какие отговорки, соглашаться разделить с ними их простую трапезу.

Иванов не считал себя политическим изгнанником, у него ни для кого не было горьких слов. Он говорил, что “факты достаточно красноречивы, чтобы показать несостоятельность доктрин, словами же можно оклеветать человека, его намерения”. Дух его всегда был в действии, и Иванов нуждался в том, чтобы разделить с кем-нибудь жизнь своего духа, вовлечь в нее других. Он терпеливо выслушивал любого рода вопросы, хотя бы порою неумные, и спокойно отвечал на них. Только опал на его руке в этих случаях пылал ярче, а голос, звучавший еще учтивее обыкновенного, приобретал металлический оттенок и беспокойно подрагивала закинутая на ногу нога.

Иванов с удовольствием принимал гостей, но не был расположен сам наносить визиты, это его утомляло. Он делал исключение только для нас и приходил или провести несколько приятных часов среди друзей, или когда у нас бывали гости, которые его интересовали. Так он познакомился у меня с Джованни Папини, с которым потом был связан долгой дружбой. Уходя, Иванов дал Папини свою визитную карточку, на которой было написано: “Проф. Вячеслав Иванов”. “Почему на визитной карточке такого поэта, как Вы, значится ‘профессор’?” – спросил Папини. Тот ответил: “Потому, что я весьма благодарен профессору Иванову за то, что иногда он бывает поэтом”.

(Итальянский оригинал напечатан в книге E. Garetto, *Una russa a Roma*, Milano 1990, р. 67-73; автограф хранится в частном архиве Синьорелли в Риме. Перевод с итальянского Л. Шаповаловой).

¹ Ср. Л. Иванова, 133-138.

² Francesco Pastonchi (1877-1953).

³ Цикл лекций и конференций назывался *Литературные понедельники*. Лекция Иванова состоялась 8 апреля 1933 и называлась "Направления современного духа" (*Orientamenti dello spirito moderno*); впоследствии она была опубликована в ж. "Convegno", 8-12. 1933-34). О предстоящем ивановском выступлении писала местная газета "La Riviera", 8/9 апреля 1933.

⁴ См. письмо Иванова от 24. II.1928.

